

Часть 1

Гевин

Джек Оръен лучший был скрипач,
Какого свет видал,
И женщин музыкой своей
Сражал он наповал.
О нем повсюду слава шла,
И, говорят, не раз
С ним камни ударялись в плач,
Деревья — в бурный пляс.
Своей он скрипкой говорил
Звезде «с небес сойди»,
И выжать мог он молоко
Из девственной груди.

*«Гласгеррион». Шотландская народная баллада.
(Номер 67 из сборника Дж. Чайлда, также
известная в музыкальном переложении А. Ллойда¹)*

---

¹ Фрэнсис Джеймс Чайлд (1825–1896) — американский ученый-фольклорист, опубликовавший свою коллекцию народных песен в виде пятитомника «Баллады Чайлда». Альберт Ланкастер Ллойд (1908–1982), также известный как Берт Ллойд, — английский певец и собиратель народных песен. В 1950-х — 1960-х годах записал несколько альбомов традиционных баллад в собственном исполнении. — *Прим. ред.*

Рассказывать я не мастер, не то что Бард. Речь моя не журчит, голос груб, и слова складывать не умею. Знаю песню-другую, как и все вокруг, но куда мне до Томаса: от меня вы не услышите баллад о прекрасных девах, что переходят вброд семь рек, лишь бы отыскать сгинувшего возлюбленного, — баллад таких горьких и сладостных, что от них расплчется и суровый старый воин, закаленный в сражениях; не услышите вы от меня и веселых песенок о том, как обманщик вытянул у скупого богача золото — и уж так в них слова ловко составлены и такие потешные шутки, что даже самый отъявленный сквалыга, присвоивший чужое приданое, и тот расхохочется и за обиду не примет. Что уж там, этак петь и слова складывать — великий дар, и у меня его нет.

А только вот предложи мне кто этот дар — не знаю, согласился б я или нет. Сам Том сказывал сказку про Джок из Больших Холмов. Тот как-то, унылее некуда, брел домой с ярмарки в Меллерстайне — ходил продавать безрогую коровенку, да только никто на ярмарке на нее не польстился. Вот, значит, бредет Джок домой к женушке, денег не выручил, припасов не купил, а ведь зима на носу. Гонит Джок свою корову по дороге и давай в сердцах на нее покрикивать: «Чего б я только не дал, лишь бы тебя с рук сбить и деньгой разжиться!» Тут навстречу ему откуда ни возьмись высокий незнакомец в плаще. Стоит на обочине и говорит: «Вечер добрый, Джок из Больших Холмов. Хорошее ли молоко дает твоя безрогая корова?» Джок решил, что повстречался ему другой путник с ярмарки, да и отвечает: «Корова что надо, а дает она сплошь сливки и мед, ведро

с утра и два к вечеру». Стали они торговаться. Джок думает: ну, если уж путник идет с ярмарки и хочет купить корову, значит, нужна до зарезу, — и заломил цену повыше. Тут незнакомец говорит: «Деньги вещь хорошая, но я тебе предложу кое-что получше — такое, что дороже твоей коровы и всего имущества». И протягивает он Джоку скрипку. «Да ведь я и играть не умею», — отвечает Джок, а незнакомец на это: «Тебе и ни к чему — скрипка эта сама музыку играет». Тут уж Джок смекнул, что незнакомец, который повстречался ему в сумерках, не иначе как из волшебного народца, а дойная корова ему зандобилась для человеческого младенца, которого похитили эльфы. А с деньгами от волшебного народца известно что бывает: ты их возьмешь, а назавтра глядь — они обратились в траву и листья. Но волшебная скрипка — другое дело: с ней всегда и везде будешь сыт, и всяк тебе щедро заплатит за музыку.

Взял Джок скрипку, а эльф с коровой поднялся прямехонько по склону холма и трижды стукнул оземь посохом. Тут холм открылся, они вошли вовнутрь, в Волшебную страну, и пропали с глаз долой.

Что до Джокка с его волшебной скрипкой, зажил он на славу и с того дня нужды не знал. Но не знал он с того дня и покоя, потому как отовсюду звали его поиграть то на танцах, то на свадьбах. Да еще каждый год в ночь Бельтайна, когда у волшебного народца праздник, Джок является к тому самому холму, подле которого когда-то повстречался с эльфом, и играет на скрипке, а из холма выходят целую вереницей прекрасные собой дамы и господа,

обитатели Волшебной страны, и до рассвета пляшут под скрипку Джока, пока у того руки не занемеют с устатку и пальцы не изотрутятся до крови.

Как по мне, такая жизнь никуда не годится. Лучше бы Джок оставил себе корову.

Ну да с меня что взять — я человек самый обыкновенный. Живу себе в горах повыше Бурной реки, держу ферму, стадо овец, есть у меня жена да кой-кто из соседей, по пальцам перечесть. Я и корову-то вижу от силы два раза в год на Графской ярмарке. И никогда прежде не встречал никого вроде Барда, покуда он не появился у нас на пороге.

Было то в одну из ненастных осенних ночей, когда ветер воет, что свора гончих из самой Преисподней, и чувствуешь, как близка буря. Я не обманулся — вскоре дождь замолотил по крышам и ставням, хлынул в печную трубу, так что очаг у нас задымился и огонь едва не погас. А Мег моя сидит себе как ни в чем не бывало, шьет рубашку для старшенькой племянницы, той, которая живет дальше по Рутерфордовой дороге. Сам я чинил корзины да радовался, что овцы в такую непогоду надежно заперты в стойле. Горела у нас коптилка, да и отсветов от очага хватало, а может, и руки сами помнили, как что делать. Раньше оно светлее бывало, нынче уж совсем не то.

А надо сказать, в ногах у меня лежал наш пес, Трей, сын старушки Белты. И вот, значит, настоужился Трей и весь замер, словно услышал что, хотя я-то ничего не разобрал, кроме как ветер воет и дождь хлещет. «Тихо, тихо, малый, — говорю я ему, как и полагается, ежели собака испугалась. — Не глупи, подумаешь, нашел чего бояться — осен-

ней бури». Тут Мег поднимает голову и звонко так говорит — даже сквозь вой ветра слышать: «Ах, Гевин, в такую ночь только мертвецам вставать из могил и бродить под дождем, помяни мое слово».

Сейчас, подумал я, она пустится рассказывать еще одну сказку. Сказки в такие темные вечера самое то; вот, к примеру, о неупокоенном духе эрла Траквайра. Он в ненастные ночи рыщет по окрестностям, ищет жену, которую, разъярившись, убил из ревности, — хочет выпросить у нее прощения... Но тело ее давным-давно обратилось в прах, а чистая невинная душа вознеслась на небо. А убийство то случилось несколько лет назад, в наших краях, за рекой — всего день пути от нас.

«В такую ночь сама Дикая охота мчится быстрее ветра, — рассказывает Мег страшную сказку, а глаза у нее так и блестят. — Скачут всадники, и кони у них дышат огнем, и ноздри их горят как уголья. Дикая охота гонится за несчастными, которые не ведают покоя... — Тут Мег вскинула голову и сама себя перебила: — Гевин, — говорит, — никак в дверь стучат?»

Я было подумал, это она дальше рассказывает. А потом и сам услышал, как в дверь колотят да колотят — куда там дождю и ветру.

Трейд у меня в ногах зарычал, шерсть вздыбил. Я ему руку на загривок положил, потому как в такое ненастье мало ли кто бродит в ночи — может, цыган, может, бродяга, а может, и адское исчадьё. В другую руку я взял светильник и пошел отворять, а Трейд, умница, от меня ни на шаг.

На пороге стоял долговязый горбун — одно плечо выше другого, черный плащ весь в грязи,

промок до нитки, вода так на пол и каплет. Я поднес светильник ему к лицу, а он откинул капюшон. Смотрю — путник совсем молод, безбород, только щетиной оброс, видать, давно в дороге, и на глаза темные волосы спадают.

— Благословение дому сему, — говорит.

Значит, не из безбожников и не из Иных.

Трей заворчал.

— Да, — сказал ему незнакомец. — Благодарю вас, путешествие мое удалось, разве что мокровато вышло. А как вам новомодный фасон с желтыми подвязками?

Я глаза так и вылупил.

— Это вы с псом разговариваете?

Незнакомец отряхнулся от дождя и утер глаза.

— Так ведь он заговорил со мной первым, а я не хочу показать себя невежей и произвести скверное впечатление.

Светильник у меня мигал, но я пригляделся — нет, вроде путник не шутит.

— Гевин, — окликнула меня Мег, — притвори дверь, холоду напустишь.

Это она к тому, чтоб я не стоял столбом да не таращился на чужака.

Что же, дом у нас освящен с самой постройки, да и над дверью висит рябиновая веточка, отпугивать Иных. А пустить под крышу полоумного скитальца, который бродит в такое ненастье, дело самое христианское.

— Мир всякому, кто войдет, — поспешно пробормотал я и впустил безумца-горбуна.

— Благодарствую.

Гость пригнул голову, чтобы не задеть притолоку, — вот как он был высок. Войдя, он заметил у очага Мег и, как был, в грязном своем плаще, отвесил моей женочке поклон — все равно что королеве.

— Добро пожаловать в наш дом, музыкант, — сказала она, и по голосу ее я услышал — моя Мег улыбнулась гостью.

И точно: скинул он плащ, и оказалось, что за спиной у него вовсе не горб, а арфа в просмоленном чехле. Покамест Мег возилась с тестом для лепешек да ставила молоко греться, гость стащил с себя промокший шерстяной плащ — вправду сказать, грязью тот плащ пропитался больше, чем дождем, — и в доме еще сильнее запахло мокрой овечьей шерстью, ну да нам это было не в новинку.

Бывает так: думаешь о чем одном, а тебе вдруг на ум и другое приходит — или видишь как наяву. Вот и со мной такое случилось: только гость уселся, а у меня перед глазами вдруг возник погожий денек на ярмарке, и ни с того ни с сего увидел я какую-то женщину, как она гуся фарширует. Пригляделся я к нашему гостю. Собой бледный, кожа нежная, что у девушки, но от печного жара в лице уже румянец появился, как от смущения. Рукава у него вымокли, руки он протянул к огню — обсушиться, и тут я разглядел, что рубаха на нем самой тонкой шерсти, крашенной в яркий цвет — в наших краях такой краски не водится. Только вот беда, по кромке рукава совсем выцвели и побелели. А из-под рукава, гляжу, блеснул золотом браслет; гость наш увидел, что я это приметил, но и не подумал браслет спрятать. Руки у него были как раз

музыканту впору: холеные да нежные, с длинными пальцами.

Мег, добрая хозяйка, подала гостю чашку с горячим питьем и говорит:

— Меня звать Мег, а это мой благоверный, Гевин, сын Колла Блексайда.

Мы в наших краях живем по старинке, блюдом старые правила, а по ним гостю полагается узнать имена хозяев, но самого его называться никто не неволит — от него всего и надо, чтобы согласился на наше гостеприимство, ежели оно не оскорбляет его честь или честь его близких.

Музыкант вздрогнул, будто стряхивал с себя остатки стужи, и от души отхлебнул из чашки — молоко Мег сдобрила сахаром и элем, у нас это зовется посетом.

— И король не пробовал такого угощения, — сказал он.

Мег моя такого пустословия не терпит, вот и поглядела на гостя, как глядит на непутевых мальцов или на цыплят, коли со двора разбегутся. Гость откашлялся, ответил ей приветливым взглядом, снова покашлял — горло прочистил, и говорит самым ласковым голосом:

— Ах, дорогая хозяйюшка, вы, верно, думаете, что я льстец! Да и то сказать, с какой стати вам верить словам бедного скитальца, который натащил в дом всю грязь с дороги, выпачкался по самые уши и так чумаз, что любого лешего напугает? Разве тут поверишь, чтобы такое чучело допустили пред очи его королевского величества? Но, прошу вас, представьте, что я умыт, причесан, пристойно одет

и предстал перед королем с арфой в руках и с песней на устах. А именно в таком обличье я и пел перед королем в Роксброхе, покуда он пировал, — вдоволь налюбовался на королевское пиршество и видел, какие блюда ему подавали.

Тут музыкант кивнул с самым серьезным видом и продолжил:

— То-то и оно, что видеть видел, а отведать не отведал, потому что музыканты для королей все равно что вот этот ваш дружок для вас, — и он показал на Трея, который дремал у моих ног, наострив уши и карауля чужака. — Да, я видел, как наш добрый король пировал белым хлебом и самым нежным мозговым мясом и, подобно вам, порой кидал крошки собакам. — С этими словами он поднял руку, будто бы в затылке почесать, рукав соскользнул, и браслет сверкнул золотом.

По мне, так глупая выходка, и зря он надумал покрасоваться: почему ему знать, вдруг мы убьем его, чтобы ограбить? Я призадумался, давно ли менестрель скитается, если такое не смекнул.

Однако меня разобрало любопытство: сам я не больно много путешествовал, но всегда рад послушать, что делается в мире, ну а добрая история всегда ко двору. В наших краях гости редки, разве что странствующий монах случайно забредет. Не то чтобы к нам не захаживали музыканты. Один неизменно появляется на ярмарке, а другой как-то гостил у Лейврока Хью. Но такого, как сегодняшней гость, мы никогда не видывали. Неужто он и впрямь пел перед королем, спросил я себя, и неужто споеет нам?

— Сэр... — начал я.

Но он вскинул руки — изящно, будто шествием каким распоряжался.

— Добрый человек, — говорит, — звания этого я не заслуживаю, как и любого иного. Я таков же, как все, только Господь по милости своей сподобил меня дарованием играть музыку и слагать песни и тем быть в фаворе у сильных мира сего.

Что сказать, я не из тех, кто признает свою промашку, если другие на нее указали; но гость наш изъяснялся и речисто, и вместе с тем так мудро — старику впору — ну, я и не огорчился. Да уж, в смекалке ему было не отказать, однако под этим небом места всякому хватит.

Я смолчал, а Мег у очага загремела посудой, переворачивая лепешки над огнем. Музыкант оглядел нас и повеселел — ни дать ни взять щенок, который думает, как бы половчее отвлечь хозяина, если разыгрался и устроил кавардак, пока носился туда-сюда с мячом в зубах.

— Друзья мои, — сказал он, — вы, конечно, слышали историю о кошке, которая говорила королям правду?

— Нет, не слышали, — отозвалась Мег. По голосу ее ясно было — ей не терпится услышать эту историю, но Мег моя — само здравомыслие. — А ты, любезный, слышал историю о парнишке, который болтал так много, что у него язык отвалился?

Скиталец расхохотался, но его тут же разобрал кашель.

— Нет, — хрипло отвечал он. — Поведай же ее, добрая хозяйка, — я собираю новые, неведомые

истории, чтобы было чем поразвлечь слушателей, когда странствую.

Я затаил дыхание: вот сейчас ему влетит от Мег по заслугам. Она и в девушках никому не позволяла брать над собой верх. Уголки губ у нее опустились, а потом приподнялись — и она как расхохочется от всей души, не то что наш гость — тот скорее посмеивался.

Расхохоталась — и говорит:

— Ты, поди, знаешь великое множество историй. А мы их охотно послушаем, только сперва сними эту мокрую ветошь и поешь. Сейчас накинешь плащ Гевина, а спать тебя положим у очага.

Музыкант протянул нам ладони — мол, пустые.

— Добрые люди, мне нечем с вами расплатиться.

Мег в ответ прищелкнула языком. Только что улыбалась, а вот уже и рассердилась.

— У нас тебе не осенняя ярмарка на Михайлов день, малый, мы тут не торгуем. Послушай-ка, ты проделал долгий путь, так что пей, пока горячее, да ложись поскорее у огня, там отогрешься. А на завтра, когда одежды просохнут, переоденешься — и вот тогда уж ступай дальше своей дорогой, куда ты там торопился поспеть.

— Вы очень добры, — сказал он, вроде как удивленно. Кашлянул и встал, выпрямившись во весь рост, словно посреди пиршественного зала. Мой старый плащ едва доходил ему до колен, но сидел на нем лучше, чем на мне. Плечи у музыканта были широкие, крепкие.

— Мое имя Томас. Прозываюсь я Томас-Музыкант, а иногда Томас-Бард, — это если беру на себя